

ГОРЫ

Позади — горы.
Впереди — город.
И блестит мокрой
полосой асфальт.

Позади — горы.
Впереди — город.
Я сменю скоро
спальник на кровать.

Впереди — город,
где ковры, шторы...
Говорит хором
миллион людей.

Но стремлюсь взором
я назад — в горы.
Кроме гор словно
нет меня нигде.

МГЛА

Сном накрыло город. Взывает мгла
к лёгким душам сквозь оболочки тел.
И гоняет мгла в угол из угла
по квартирам лёгкие души те,
чтобы после бросить их в темноте,

как бросает день разум в суету.
Не умея толком прийти в себя,
я куда-то с кем-то уже иду,
как в бреду. Мой разум во тьме распят.

И вокруг такие же. Ходят-спят.

Я хочу быть высокой сосной,
чтобы метров пятнадцать до веток
от земли, чтобы ранней весной
быть вторым, после синего, цветом.

Что за дело сосне до людей,
до бессмысленного мельтешенья?
Я устала. Устала хотеть
всех проблем мировых разрешенья.

Не смотри наверх — увидишь небо.
Упадёт в тебя — тебе такой
синевы не вынести. Тебе бы
посмотреть на реку, стать рекой.

Древнего хранилище булата.
Из него всё остро, как ножи.
Синь небесную не тронь, не надо.
Из такой не выковать души.

РАЙ

Заштрихуют небо ветками берёзы.
Расцветут таблички "Берегите лес!".
И на землю хлынут золотые слёзы
ангелов с небес.

Нас уже не будет. Вековую память
ветер мелким сором выметет с Земли.
Пропоет вдогонку: "Виноваты сами!
Только жечь могли!"

МАЙ

В мае стал хулиганить ветер,
мне вдруг за воротник пальто,
словно в спящее сердце метя,
кинул яблони лепесток.

Сердце дрогнуло от касанья
нежно-розового тепла.
И проснулось внутри желанье,
но чего, я не поняла.

СИРЕНЬ

В лесу панелек цветок сирени на вкус — зефир,
на запах — билетик до рая,
в мгновенье до поцелуя первой любви,
куда не идут трамваи,
но иногда долетают мысли.

Лети, лети

в поблѣкшее воспоминанье
на фиолетовых лепестках, на пяти,
к полудню без опозданья.

Воруя час у завтрашнего дня,
взволнованно не в меру
ты снова уговаривал меня
вглядеться в мезосферу,
в светящиеся ночью облака
из метеорной пыли.

Ты в облаках серебряных искал
не формулу ли крыльев?

Отдав тебе большую долю завтра,
взволнована сильнее,
я словно наблюдала космонавта
в долинах Маринер.

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Если б мир и погиб, осталась бы сущность мира:
то, на что, как на нить, нанизаны все предметы.
И явились бы из мерцающего эфира
снова пихты, поля, планеты.

Если б я умерла до нашей случайной встречи,
то недолго бы эта нить в пустоте блестела.
Из эфира б возникли губы, колени, плечи...
Суть-душа создала бы тело.

Сидеть бы на берегу
в компании рыбаков,
ловить парохода гул
нейлоновой сетью слов.

Прикармливать плеск волны
стекляшками среди песка —
зелёными, голубыми
выложена строка.

На первого рыбака
посмотрит второй — вздохнут:
"Валяет ведь дурака,
ловила бы на блесну!"

И делать бы по уму
я рада, но не могу.
Когда всё идёт ко дну,

сидеть бы на берегу...

Комната коммуналки

серой шершавости стен полна.

Я собираюсь. Поздно.

Ты баламутишь воздух —

лишь поднимается пыль со дна

и забивает ноздри.

Непостоянство всюду,

кроме твоих небелёных стен.

Болью фантомной живо

мёртвое тело

юности,

распростёртое на листе

ради надежды лживой.

Разве было когда-нибудь по-другому?

Ноют губы без губ, рука без руки.

Запишусь на полгода вперёд к зубному —

излечусь от тоски.

Ты же знаешь, от кофе болит семёрка.

Я поэтому кофе больше не пью.

Ноют губы без губ и рука. И только.

Заживут к февралю.

СТАРЫЙ ДОМ

С вокзала домой

нетронутой тьмой

тихонько, как мышь,

иду.

Милый дом.
Пустырь за окном:
пырей и камыш,
трухлявые пни
и ива над ними.
Мне снились они,
а я им: "Потом".
Мой дом, милый дом,
всё сны о тебе прогнали.

ДОМ

Не вернуться домой, однажды его покинув
не на год, не на два.
От условностей, тривиальности и рутины
убежавшая — но куда? —
окажись ты на той же улице, в том же доме,
что ты встретишь, кого?
Те же стены и те же фото на белом фоне,
только прежнего ничего.

СОН

Сон, как шарик проколотый,
лопнул.

Рассвет был скол,
утро хлынуло в комнату
из-за распахнутых штор.

Мама, дай мне поспать чуть-чуть!
Мама, не дёргай постель!
Сон исчез, и нельзя вернуть.
Снова лежу в темноте.
Мама! Мама, ты где?

Поросль клёнов — паутина,
путы на ногах,
обитателей тропинок
первородный страх.

Лёгкок шаг, второй уж труден,
третий не могу.
Я хочу обратно к людям,
в город, не в тайгу.

Лес темнее, гуще, гуще.
Вот уж сосняки.
Дальше, дальше от ведущей
к городу реки.

ГРОЗА

Я знаю из новостей,
что в городе N льёт,
и май кидает в людей
лёд.

И даже в коконе стен
отчётливо — гром.
Я знаю это, ведь N —
твой дом.

МАЯТНИК

Разбила мрак грозовая вспышка.
Осколки-капли вонзились в кожу.
Как быть? Забыть тебя — это слишком,
но помнить — тоже.

Звонок. Ответить тебе — к печали,
а сбросить — к позднему сожаленью.
Душа на нитях дождя качает-

ся все сильнее.

– Замри! – гроза громыхнула грубо.
– Ну, хватит, — тихо взмолился ветер.
Твои то слаще, то горче губы
всего на свете.

ДЕМОН ДОЖДЯ

Дымка над хмурым городом,
и полдня
демон дождя за воротом
у меня.
Пляшет, бормочет разное.
Оглушил
фразами мимо разума
до души,
жаром по лбу и холодом
по плечам;
в душу с обочин города
влил печаль
выверенным движением —
между дел
снова шлю сообщение:
«здравствуй, Л».

Аллелопатия твоя достигла пика,
негундо мой, негодный ни на что.
Здесь больше нет берёз, нет елей...
Посмотри-ка,
ты стал проклятьем, хоть и был мечтой.

КЛЕНОВЫЙ ЛАБИРИНТ

У каждого свои

тенистых лип аллеи.
Кленовый лабиринт
я в памяти лелею.

А имя сорвалось
последней каплей ливня
в траву. Простым его,
обыденным верни мне,

кленовый лабиринт.
Прохладным гладким словом,
чтоб звать могла я им
кого-нибудь другого.

НЕГУНДО

Мне приснилось – серебристый
тополь у реки
взят в тиски ясенелистных
клёнов.

Сорняки

рвут листву его на клочья
с криком: "Не сбежишь!"
Пух клубится вдоль обочин.
Пух летит в Иртыш.

Раскачался беспокойный
маятник Луны.
Возле тополя с тобой мы
встретиться должны.

Тополь в клочья. Всюду клёны,
в лабиринт сплелись.
Мы на острове Зелёном
не пересеклись.

ОГОНЬ

Горел бы огонь или нет,
узнав, что потухнет,
но кто-нибудь будет согрет
на маленькой кухне
полуночным чаем с мелиссой?
Горел бы он впредь,
не ради великого смысла,
а чтобы согреть?

НЕВЫРАЗИМОЕ

В попытках выразить невыразимое терплю крах.
Теряю всё невыразимое среди слов.
И остаётся лишь усталое «ты прав,
я заблудилась, как дитя, в стране снов».

Химеры зыбкие влекут меня вновь.
Пора проснуться и сказать себе: прими явь
и всё невыразимое оставь сном,
не вороши, рискуя выронить своё я.

Обещаю стихи. Только их и могу обещать,
пару строк для тебя на прощание.
Можешь сжечь и забыть или вслух вечерами читать,
но другого не жди обещания.

Только эти слова, зашифрованные в ночи,
даже мне далеко не понятные.
Что-то в них заперев, я навек потеряла ключи.
Память светится белыми пятнами.